

«ОМСКАЯ ГРУППА» В ЭМИГРАЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ

В работе на основе неопубликованных источников и эмигрантской мемуарной публицистики анализируется вопрос социальной адаптации к условиям эмиграции в Маньчжурии представителей «омской группы», состоявшей из бывших членов антибольшевистских сибирских правительств периода Гражданской войны. На основе теории социальной адаптации и антропологического подхода в статье сделан акцент на такие аспекты биографий указанной категории деятелей, как стратегии поведения, служба на КВЖД, выбор гражданства. Изучение судеб «омичей» в Харбине необходимо для представления деятельности российских общественно-политических деятелей после Гражданской войны, понимания проблем эмиграции в Маньчжурии и особенностей существования либеральной интеллигенции.

Ключевые слова: социальная адаптация, Гражданская война, Белое движение, Российское правительство А. В. Колчака, Омск, Маньчжурия, эмиграция, Харбин, КВЖД.

Постановка проблемы. Деятельность антибольшевистских сибирских правительств периода Гражданской войны на востоке России представляет широкое поле для исторических исследований как политического, социально-экономического, так и биографического характера. В связи с поражением Белого движения в Сибири миграционные потоки привели к образованию большой и разнообразной русской колонии в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай), среди которой выделялась так называемая «омская группа». Интерес к изучению судеб политических деятелей Белого движения в эмиграции связан с так называемой «историей проигравших». Анализ стратегий поведения, адаптационных практик политических эмигрантов необходим для создания многомерной картины последствий Гражданской войны для России, ее потерь и приобретений. Антропологический подход дает возможность через изучение частных биографий рассмотреть практики выживания, мотивации поведения, особенности образа жизни, специфику индивидуальных стратегий.

Понятие «омская группа», или «омичи», применялось для обозначения бывших членов сибирских правительств и лиц, близких к правительству А. В. Колчака, оказавшихся после 1920 г. в эмиграции в Харбине. В их числе были Т. В. Бутов, Г. А. Богданов, П. В. Вологодский, С. В. Востротин, А. Н. Гаттенбергер, Г. К. Гинс, Н. М. Горяинов, Н. С. Зефирова, Н. Н. Кармазинский, В. Н. Касаткин, А. И. Коробов, Н. С. Лопухин, И. А. Михайлов, К. Н. Неклютин, Н. И. Никифоров, И. В. Павлов, Н. И. Петров, А. Г. Прорвич, Н. И. Сахаров, И. И. Серебренников, И. И. Сукин, В. И. Сурин, В. А. Рязановский, Г. Г. Тельберг, Л. А. Устругов, Н. В. Устрялов, Н. К. Федосеев, В. В. Энгельфельд и др. Самой яркой фигурой, несомненно, был бывший министр финансов «омского» правительства И. А. Михайлов [1]. Но среди «омичей» было не-

мало замечательных персонажей, о деятельности которых в эмиграции, за редким исключением, практически нет информации. В историографии сведения о некоторых членах «омской группы» можно встретить в биографических справочниках и подчас ценных комментариях к опубликованным документам [2–5]. Однако биографические сведения об этих людях, к сожалению, не полны, нуждаются в уточнениях и дополнениях. К тому же до сих пор не анализировалось поведение «омичей» в эмиграции, выбор ими гражданства, их политическая ориентация, сотрудничество с советскими и японскими властями. Отдельным невыясненным вопросом является отношение к «омской группе» русской колонии в Харбине.

«Омская группа» не была однородна, члены ее придерживались различных политических взглядов, к тому же в Харбине к 1930-м гг. их осталось не так много. С. В. Востротин, А. Н. Гаттенбергер, Н. С. Зефирова, К. Н. Неклютин, И. И. Серебренников, И. И. Сукин, Г. Г. Тельберг и др. еще в 1920-е гг. переехали в другие города Китая, в Европу и Америку, Н. И. Петров, Н. Н. Кармазинский и П. В. Вологодский умерли в начале 1920-х гг. в Харбине. Часть группы перешла на откровенно просоветские позиции благодаря «сменовеховским» установкам Н. В. Устрялова и составила так называемый «устряловский кружок» [6].

В настоящей статье хотелось бы сфокусироваться на людях из «омской группы», работавших на КВЖД, близких по социальному положению, образованию, политическим взглядам, которые не затерялись в многочисленной русской колонии Харбина и оставили свой след в эмиграции. Это, в первую очередь, Георгий Константинович Гинс (1887–1971), Тарас Васильевич Бутов (1887–1967), Николай Иванович Никифоров (1886–1951), Георгий Александрович Богданов (1885–[1961]), Николай Константинович Федосеев (1887–?), Николай

Матвеевич Горяинов (1890–?), Иван Васильевич Павлов (1875–[1945]) и др. Но если о Г. К. Гинсе и Н. И. Никифорове довольно хорошо известно благодаря их активной научной и публицистической деятельности и связям с европейской эмиграцией, то судьба других членов группы осталась в тени. Настоящая статья основана на архивных документах, входящих в состав личных дел бывших работников КВЖД и БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи), а также воспоминаниях эмигрантов, близких к этой группе, — полковника Иосифа Сергеевича Ильина (1885–1981) и Всеволода Александровича Морозова (1891–1979) — сына Александра Павловича Морозова (1864–1943), министра юстиции «омского» правительства.

Основная часть. «Омичи» выделялись своим интеллектуальным потенциалом и «столичным» образованием на общем фоне Харбина. Г. К. Гинс, Г. А. Богданов, Н. К. Федосеев были выпускниками юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Н. М. Горяинов окончил Московский коммерческий институт в 1916 г., Н. И. Никифоров — историко-филологический факультет Киевского университета Св. Владимира в 1910 г., И. В. Павлов — историческое отделение Казанской духовной академии в 1904 г. [7, л. 1]. Тарас Васильевич Бутов учился сначала в Технологическом институте, затем в Петроградском политехническом институте по экономическому отделению, параллельно работая в Министерстве земледелия, но с последнего курса в феврале 1916 г. выбыл из института за невыполнение учебного плана и в связи с поступлением на военную службу [8, л. 81], в деле БРЭМ указал, что окончил вуз в 1917 г. [9, л. 23].

Это были представители русской интеллигенции, квалифицированные специалисты, которые оказались востребованными и в эмиграции (работа на КВЖД, преподавание, коммерческая деятельность, юридическая частная практика). Кроме того, из-за работы в антибольшевистских сибирских правительствах они считались «политиками», которых было немного в среде русской эмиграции в Маньчжурии, поэтому они были всегда на виду. Необходимо отметить, что большинство членов «омской группы» были довольно молодые люди, карьера которых состоялась благодаря Февральской революции, причем их демократические взгляды не в последнюю очередь определялись происхождением (кроме дворянина Гинса, остальные были выходцами из купечества, мещанства или духовенства) и родом занятий.

Большинству из «омской группы» удалось устроиться на КВЖД в начале 1920-х гг. Г. К. Гинс в 1921 г. был назначен начальником Канцелярии Правления КВЖД, в 1923–1926 гг. занимал высокий пост главного контролера КВЖД. И. С. Ильин в своих воспоминаниях утверждал, что Гинс получил это место благодаря связям с влиятельными китайцами, заведя дружбу с «китайчатами» — детьми китайских членов Правления КВЖД, приглашая их на встречи со своими сыновьями: «Занимал великолепный особняк на Вокзальном проспекте, не хотел общаться ни с правыми, ни с левыми русскими» [10, с. 51]. К оценкам Ильина следует относиться критически, делая поправки на его крайний субъективизм. Сам Гинс подчеркивал, что «не хотел принимать ничью сторону», не приняв ни советского, ни китайского гражданства, оставшись «бесподанным» эми-

грантом [11, кадр 474]. После советско-китайского конфликта 1926 г. и изменения вектора политики СССР на КВЖД главным контролером дороги по требованию китайской администрации назначили китайца, и Гинс вынужден был уволиться со службы по болезни, получив большие заштатные выплаты и купив дом в Харбине.

Н. И. Никифоров с 15 сентября 1922 г. стал сначала помощником, затем с 1 мая 1924 г. и.о. начальника учебного отдела КВЖД. За него хлопотал Г. К. Гинс, предложив кандидатуру Н. И. Никифорова, «как лицо, зарекомендовавшее себя в качестве редактора “Вестника педагогического общества”, избранного педагогическим обществом на должность товарища председателя, как лектора педагогических курсов, снискавшего себе расположение и уважение всех слушателей, учителей, и как человека даровитого и высоко образованного» [12, л. 5]. Богданов, Бутов, Горяинов, Зефилов, Касаткин, Павлов, Федосеев работали под руководством И. А. Михайлова в Экономическом бюро до 1924 г. Близость их к Михайлову не раз подчеркивалась в мемуарах эмигрантов. Именно Экономическое бюро инициировало детальное обследование Маньчжурии, выпустив ряд фундаментальных исследований разных сторон жизни Трех Восточных провинций. С переходом КВЖД в совместное советско-китайское управление Н. И. Никифоров был уволен с дороги 25 февраля 1925 г. по причине «несоответствия общему направлению деятельности Управления дороги» [12, л. 17]. Его должность начальника Учебного отдела КВЖД занял Н. В. Устрялов. В сентябре 1925 г. Никифоров стал директором открывшейся при ХСМА гимназии, преподавал на Юридическом факультете, с 1930 г. до закрытия факультета был его деканом.

Но многие из «омской группы» остались служить на КВЖД. Большинство (Богданов, Бутов, Горяинов, Зефилов, Касаткин, Павлов, Прорвич, Сахаров, Сурин, Устрялов, Федосеев и др.) приняли («восстановили») советское гражданство или выразили намерение о «восстановлении» гражданства СССР и получили квитанции об уплате налога в Генеральное консульство СССР в Харбине, существуя в статусе так называемых «квитподданных». Они расценивали переход в советское гражданство как лояльное сотрудничество «спецов» и «деловую практику», подчеркивая свою «аполитичность», хотя эмигранты посчитали это «шкурничеством», сохранением места на дороге и сопутствующих этому льгот и преференций. В числе иных причин перехода на советскую сторону Ильин называл стремление «омичей» сделать «карьеру при советской власти» (запись в дневнике от 8 января 1925 г.) [13, л. 236].

Заметим, что, подтвердив свою лояльность новой советской администрации, все «омичи» получили повышение по службе и рост окладов. Н. К. Федосеев с 1 января 1925 г. занимал должность помощника начальника Коммерческой части КВЖД и стал получать 5400 руб. в год и квартирное довольствие [14, л. 1 об.]. Согласно приказу по личному составу Коммерческой части № 88 от 9 июля 1925 г. Н. М. Горяинов вместо бухгалтера отдела дополнительных предприятий стал ревизором с окладом 3600 руб. в год, Г. А. Богданова из делопроизводителей тарифно-распорядительного отдела повысили до заведующего отделом договоров с повышением оклада до 3 тыс. руб. в год вместо 2400 руб. [15, л. 4–5]. И. В. Павлова из времен-

ных агентов Экономического бюро перевели в штат с окладом 3 тыс. руб. [7, л. 1 об.].

Формально все «квитподданные» считались советскими гражданами, хотя окончательное решение о получении советского паспорта принимал ЦИК СССР. В личном деле Н. К. Федосеева содержится письмо из канцелярии Управления КВЖД от 11 ноября 1927 г., подписанное советским управляющим дорогой А. И. Емшановым: «Н. К. Федосеевым было возбуждено перед Правительством СССР ходатайство о восстановлении его в гражданстве СССР. Ныне от Генерального консульства СССР в Харбине в Управление дороги поступило уведомление о том, что означенное ходатайство Федосеева Правительством отклонено и, таким образом, в настоящее время Федосеев является бесподданным. ... Ввиду этого мною был отдан приказ об отстранении его от службы "за несостояние в гражданстве СССР или Китая"» [14, л. 34]. Вместе с Федосеевым, согласно приказу № 144 по личному составу от 20 октября 1927 г., были уволены В. Н. Касаткин, Н. И. Сахаров, А. Г. Прорвич и др. И. В. Павлову и Г. А. Богданову было отказано в восстановлении гражданства СССР в начале 1929 г., и они были уволены с КВЖД: Павлов — 20 февраля, Богданов — 1 апреля 1929 г. [7, л. 1 об.; 16, л. 8]. Уволенного Богданова пригласил Н. И. Сахаров — бывший управляющий делами министра финансов в «омском» правительстве, организовавший транспортную контору, но контора вскоре обанкротилась, и Сахаров застрелился 18 октября 1930 г. [17, л. 151].

Федосеев после увольнения с дороги какое-то время перебивался случайными заработками. Его коллега Е. Е. Яшнов в 1931 г. писал Г. Н. Дикому, бывшему заведующему Экономическим бюро КВЖД после И. А. Михайлова: «Н. К. (Николай Константинович. — М. К.) все еще без работы. Подкормился кое-какими крохами около меня, но, боюсь, что и эта возможность уже исчерпана» [18, л. 1]. В другом письме от 29 января 1933 г. Яшнов говорил, что Федосеева удалось устроить на работу «на 80 золотых руб. в Цицикар на ампула что-то вроде счетовода агентства» [18, л. 3 об.]. Г. А. Богданов после увольнения с КВЖД с 1930 по 1935 гг. служил советником по железнодорожным делам при Главном маньчжурском коммерческом обществе в Харбине [19, л. 1]. Как и Гинс, Никифоров, Сурин, Устрялов, Богданов преподавал на Юридическом факультете. Н. М. Горяинов, В. И. Сурин, Н. В. Устрялов и др. проработали на КВЖД вплоть до продажи дороги в 1935 г. В характеристике Горяинова, данной П. А. Чистяковым для БРЭМ 20 июля 1938 г., указывалось, что советское подданство Горяинов принял, «несомненно, не по идейным соображениям. Своих детей отдал в гимназию ХСМА (Христианский союз молодых людей. — М. К.) и в период советско-китайского конфликта оставался на службе дороги» [20, л. 30].

Можно догадаться, что к «спецам», принявшим советское гражданство и оставшимся работать на КВЖД, доверия советской стороны не было. Секретарь Северо-Маньчжурской партийной организации призывал в 1933 г. относиться к ним настороженно: «Для этой группы служащих КВЖД советское подданство являлось и является исключительно средством иметь теплое местечко на дороге. Внешне стараются сохранить советский облик» [21, л. 98]. Так, специалисты из «омской группы» проходили по категории лиц, «в отношении политической физиономии которых имеются сомнения».

Эти сомнения подтвердились при продаже КВЖД (уступке прав на дорогу Маньчжоу-Го) в 1935 г. Н. М. Горяинов, будучи «квитподданным» (советского паспорта так и не получил), был указан в списках возвращавшихся (эвакуированных) в СССР [22, л. 10], но остался в Харбине, получив все выплаты и пенсию и построив дом в Харбине. Из всех «омичей» в СССР в 1935 г. вернулись лишь Устрялов и Устругов, остальные — Горяинов, Рязановский, Сурин остались в Харбине или переехали в Тяньцзинь и Шанхай. Н. М. Горяинов продолжал работать в Харбинском управлении железных дорог и при японцах до 1941 г., затем занимался общественной работой, преподавал в колледже ХСМА в Харбине [20, л. 46].

Т. В. Бутов, которого называли «креатурой» И. А. Михайлова и ближайшим к нему человеком, получил в Генконсульстве СССР в Харбине советский паспорт № 20564 от 23 июля 1926 г., причем среди эмигрантов ходили слухи, что паспорт ему дали только благодаря тому, что его родной брат — Георгий Васильевич Бутов — был оправданы Л. Д. Троцкого, и это обстоятельство также способствовало его карьере на КВЖД. С ноября 1927 г. Бутов занимал должность заведующего коммерческим агентством в Инькоу с окладом 4800 руб. в год, но после советско-китайского конфликта 1929 г. был уволен от службы на дороге по болезни 1 августа 1930 г. [23, л. 1].

В дальнейшем Бутов отказался от советского гражданства, взяв в 1932 г. литовское подданство, а в 1939 г. перешел в эмигрантское состояние. Он решил заняться бизнесом, став в 1932 г. компаньоном фирмы «П. Ф. Чистяков и Ко» и «кишечного дела» И. П. Воротилина. Дела, видимо, шли успешно, так как, по данным БРЭМ от 20 марта 1940 г., при обороте в 200 тыс. гоби дело дало прибыль в 48 тыс. гоби [24, л. 44]. С 1931 по 1938 гг. Бутов был активным членом Харбинского биржевого комитета. В его личном деле в БРЭМ в марте 1937 г. дана характеристика: «В умственном отношении Бутов очень развитой и дальновидный политик. Характера скрытного, осторожно-хитрый» [24, л. 4].

Все омичи на протяжении всего эмигрантского периода продолжали заниматься исследовательской и научной работой, публикуя статьи и книги. Самым плодовитым был Георгий Константинович Гинс: кроме статей в местной прессе, он выпустил в Харбине несколько книг. Кроме того, Гинс читал публичные лекции, занимался частной юридической практикой в качестве консультанта, держал книжный магазин, был членом Харбинского биржевого общества, членом совета директоров русского банка домовладельцев. После закрытия Юридического факультета преподавал в Северо-Маньчжурском университете (с 17 марта 1937 г. по 1 июня 1941 г.), читая лекции по гражданскому, торговому праву и политэкономии. Летом 1941 г. он через Японию выехал в США, получив визу по польской квоте (он родился в Новогеоргиевске, который стал потом польским Модлином). Официальным поводом для выезда в США он указал свидание с сыновьями, которые там проживали. Он поселился в Сан-Франциско, в 1945—1954 гг. преподавал в Калифорнийском университете русский язык и литературу, советское законодательство. После ухода на пенсию в 1954 г. работал в радиоконпании «Голос Америки» (Voice of America) в Вашингтоне с 1955 по 1964 гг. В 1970 г. его воспоминания были запи-

саны в региональном центре устной истории в университете Беркли, и являются ценным источником по изучению Гражданской войны и эмиграции [11, кадр 76–573].

«Омичи» поддерживали друг друга, старались помогать в трудных ситуациях. Так, после смерти в 1925 г. П. В. Вологодского его семья бедствовала. Члены «омской группы» организовали сбор денег, а когда дочь Вологодского Зина окончила в 1930 г. гимназию ХСМЛ с золотой медалью и ей была предложена стипендия на обучение в колледже в США, Г. К. Гинс предложил собрать для нее деньги на проезд до Америки (более 1000 иен), причем сам внес вклад в 250 иен [25, л. 10]. Зина Вологодская уехала в США, где окончила Winston Salem College в Северной Каролине, затем вернулась в Харбин, преподавала английский язык в школе ХСМЛ.

Члены «омской группы» сохраняли дружеские и человеческие связи, отмечая вместе праздники — Рождество, Пасху, именины. Г. А. Богданов и Н. К. Федосеев были женаты на сестрах (Наталье и Софье Лисенко). Н. И. Никифоров с Г. А. Богдановым были очень дружны, любили вместе рыбачить, их даже называли «неразлучниками». Уезжая в Америку в 1941 г., Гинс оставил Н. М. Горяинова доверенным лицом по урегулированию земельных дел, а В. В. Энгельфельд сделал Н. М. Горяинова и Н. И. Никифорова своими душеприказчиками [20, л. 38]. И. В. Павлов, давая для БРЭМ характеристику Горяинову 14 июля 1938 г., отметил: «Николай Матвеевич Горяинов известен мне с 1917 г., и я считаю его лицом безупречных моральных качеств. Это очень сердечный, вдумчивый, отзывчивый, добрый по природе человек и хороший русский семьянин. Всегда отличался тем, что был занят больше служебной работой, и как человек трезвый во всех отношениях, неизменно оставался вне крайних социальных и политических течений, как бы ни трудно это было» [20, л. 27].

В среде русской эмиграции преобладали антисоветские и антизападные настроения, и это стало причиной множества слухов и сплетен вокруг «омской группы». Например, говорили, что жена Т. В. Бутова — Надежда Федоровна, урожденная Иоффе, была сестрой бывшего полпреда в Токио А. А. Иоффе. На самом деле Н. Ф. Бутова была сестрой известного советского академика А. Ф. Иоффе [8, л. 79].

Из-за работы на КВЖД и получения советского гражданства репутация «спецов» была «подмочена», как следствие, некоторых «омичей» подозревали в связях с советской разведкой. Например, в характеристике агента БРЭМ от 16 августа 1941 г. указывалось, что «Бутов — сам в прошлом видный советский работник, ...вероятно, и сейчас помогает тайной советской работе» [24, л. 43]. Возможно, что эти предположения были недалеко от истины. В справке УМГБ по Хабаровскому краю № 3306 от 10 июля 1948 г., подписанной лейтенантом Китаевым, подтверждается связь Бутова с разведывательными органами СССР [24, л. 62]. Профессор М. П. Головачев считал (не приводя, однако, никаких доказательств), что И. В. Павлов, женатый на латышке, передает через нее информацию в советское консульство [26].

Отношение эмиграции к «омской группе» и со стороны так называемых «старожилов», и в особенности бывших военных, было неприязненным и по другим причинам. Их, как представителей либеральной интеллигенции, обвиняли

в неудачах Белого движения, в «продажности», «шкурных интересах», беспринципности, отсутствии патриотизма и пр. Характерна запись в дневнике полковника И. С. Ильина 23 мая 1940 г.: «Бутовы, Гинсы — сопливая интеллигенция, можно себе представить, куда бы эта компания завела русский народ!» [27, л. 14]. 1 октября 1940 г. Ильин записал в дневнике: «Вчера вечером у Бутовых — Надежда Федоровна была именинница. Собрались все те, кого называли “омской группой” или омичами — все бывшие сподвижники Колчака, те, кто был в правительстве или близко к нему. Все взяли советские паспорта, нажили деньги, домики. Потом снова “перелетели” в эмигранты и теперь обеспеченно и сытно живут — “невольный грех” забыт, и они особенно настроены против всего “советского”. Это все типичные русские интеллигенты — тип вымирающий, оставшийся только тут, за рубежом, и более уже неповторимый. Ушедший, по счастью, в небытие — всему найдут объяснение, всему оправдание — мягкотелость, прекраснотелость, бесхребетность» [27, л. 71]. Эту же линию характеристики «омичей» Ильин продолжил в очерке «История российской эмиграции в Маньчжурии», написанном для Генерального консульства СССР в Харбине в 1945 г.: «В жизни они половинчатые, они не понимают настоящей силы, они боятся определенных решений... Революции они испугались раз и навсегда и в этом страхе так и остаются. Советской власти они боятся до сих пор. Их не так много, но они есть, хотя на общее настроение эмигрантской массы влияния не имеют» [28, с. 836].

Большинство из представителей «омской группы» верили в реформаторский путь, построение правового государства и долгое время видели себя основой будущей России. Именно либеральные установки «омичей» на фоне общей эмигрантской массы, монархически и консервативно настроенной, вызывали наибольшее раздражение в среде русской колонии. Считалось, что их деятельность была направлена на «свержение вековых устоев величия России», «систематическое оплевывание монархической идеи», с неприменным «революционным ароматом» [29, с. 1]. Интересно, что в анкетах БРЭМ «омичи» называли себя монархистами (Бутов обозначил себя как «монархист-конституционалист» [24, л. 23]). Г. К. Гинс в июле 1938 г. опубликовал в газете «Заря» статью «Монархизм и солидаризм», что было расценено эмигрантами как мимикрия, «подыгрывание» японцам и желание «быть в струе». Политические воззрения «омичей» не были секретом, во всех характеристиках в личных делах БРЭМ непременно указывалось их прошлое, принадлежность к эсеровским или кадетским партиям, а также работа в сибирских правительствах. Например, о Н. М. Горяинове в его личном деле в БРЭМ в характеристике от 17 июля 1943 г. сказано: «Состоял в так называемой омской группе, либерально настроенной» [20, л. 47].

Одним из признаков либеральной интеллигенции, которую представляла «омская группа», эмигранты считали расплывчатость и неопределенность взглядов. Они дистанцировались от разнообразных политических организаций, не позволяли себе резких высказываний. Говоря о Гинсе, эмигрант В. А. Морозов в своих воспоминаниях писал, что он «отличался каким-то нечетким политическим лицом. Никаких “острых” углов у него никогда не было. Как будто бы и противник советской власти, а с другой стороны — и не противник, а “сто-

ронный наблюдатель". Лекции — весьма обтекаемые и на нейтральные темы. По национальности был не то русский, не то нерусский (говорили, румынская кровь). У эмиграции, в том числе и у студентов, симпатией не пользовался. Ему не верили, был он чужой. Как будто, масон» [30, л. 70]. Ильин в своих воспоминаниях о Гинсе заметил: «Человек, не обладавший никакими талантами, сухой и расчетливый, необыкновенно работоспособный. <...> Вся его жизнь сводилась к тому, чтобы хорошо устроиться, принадлежал к партии КВД — куда ветер дует» [10, с. 51]. В своем дневнике он писал о Гинсе: «Делает реверансы в разные стороны», имея в виду его статьи в местной прессе, «воспевающие» Маньчжоу-Го и его «японскую ориентацию» [31, л. 34 об.].

Как и многие эмигранты, члены «омской группы» вынуждены были сотрудничать с японцами. Н. И. Никифоров и И. В. Павлов и после продажи КВЖД в 1935 г. продолжали работать на дороге в Экономическом бюро Харбинского управления железных дорог [20, л. 6]. Никифоров, по словам И. С. Ильина, смог устроиться на дорогу «через фашистов» и по рекомендации К. В. Родзаевского [32, л. 36–37]. Он также работал в японском институте, какое-то время редактировал прояпонскую газету «Харбинское время». Ильин в своем дневнике (запись от 5 января 1944 г.) отмечал, что Никифоров «человек, несомненно, культурный, неглупый, профессор истории и историю он знает хорошо, и вместе с тем это ничтожнейшее существо, какое-то трусливое, с лакейской душой». Здесь же Ильин приводит мнение Никифорова о японцах: «Со мной говорит откровенно, признавался, что японцы лишены организаторских способностей, жаловался на дороговизну, на то, что с ними (японцами. — М. К.) расправятся быстро после Германии» [33, л. 3].

После 1945 г. Н. И. Никифоров был арестован органами СМЕРШ, возможно, за связь с фашистами и украинскими националистами (он входил в Украинскую национальную колонию в Харбине). Приговором Военного трибунала Приморского военного округа 18 декабря 1945 г. он был обвинен по ст. 58-2, приговорен к 10 годам исправительных трудовых лагерей, умер в лагере в Красноярском крае 8 мая 1951 г. Н. М. Горяинов и И. В. Павлов тяжело болели и, скорее всего, умерли после окончания Второй мировой войны в Харбине. Бутов, как и многие эмигранты, после войны восстановил советское гражданство, работал на Китайско-Чанчуньской железной дороге (КЧЖД) [34, с. 229]. Богданов также устроился на КЧЖД в качестве юрис-консультанта. В 1954 г. он с женой репатрировался в Красноярск, где и умер не позднее 1961 г. Н. К. Федосеев, по-видимому, умер в Харбине после войны. После его смерти осталась большая библиотека. Его жена, врач Софья Васильевна Федосеева репатрировалась в 1958 г. в СССР к сестре и зятю (Богданову), работала в больнице посёлка Назарово (Красноярский край) [35, с. 147].

Т. В. Бутов смог перебраться в Америку к сыну в 1951 г. (его сын Виктор еще в 1935 г. уехал из Харбина в Бостон на учебу). Эмигрантка «второй волны» Баяра Арутюнова-Манусевич, преподававшая в Гарварде, вспоминала, что Т. В. Бутов работал с 1951 по 1967 гг. в библиотеке Гарвардского исследовательского центра. Сотрудник центра Хью Траслоу рассказывал, что Тараса Васильевича очень ценили американские историки, с которыми он делился личными воспоминаниями [36, с. 189–190].

Г. К. Гинс в некрологе Т. В. Бутову «Недопрошенные свидетели» в Новом русском слове от 11 октября 1967 г. вспоминал, как они работали на КВЖД по своим специальностям — юриста и экономиста и сожалел, что Бутов не оставил воспоминаний. По словам Гинса, Бутов «принадлежал к тому типу русских эмигрантов, которые умели оказываться полезными всюду, куда их забрасывала судьба» [36, с. 191].

Заключение. Эти же слова можно сказать обо всех членах «омской группы», в судьбе которых отразились не только особенности русской эмиграции в Маньчжурии, но и пути российского либерального движения. Их жизненные сценарии и эмигрантский опыт, сочетание персональной и Большой истории позволяют выявить определенные тенденции. Оказавшись в эмиграции вне большой политики, «омичи» продолжали делать то, что умели, нашли применение своим способностям в разных областях — научной, юридической, коммерческой деятельности. Стратегией поведения омской группы было сохранить себя, пусть даже и ценой приспособления к обстоятельствам. Они выбрали нейтральную позицию «спецов», причем их потенциал использовали сначала советская администрация для укрепления позиций СССР на КВЖД, затем японцы для сохранения преэмиграционных на дороге. Работа на КВЖД, принятие советского гражданства, затем переход в эмигрантское состояние, контакты с Западом, сотрудничество с прояпонскими организациями вызывали подозрение и недоверие к ним в среде русской эмиграции, сформировали негативный и подчас карикатурный образ либеральной интеллигенции, которую обвиняли во всех бедах России. На деятельность «омичей» проецировали все ошибки и промахи Российского (омского) правительства.

Несомненно, деятельность бывших членов антибольшевистских правительств времен Гражданской войны в эмиграции нуждается в дальнейшем изучении с применением разных подходов и использованием новых источников. Создание группового портрета «омской группы» в эмиграции с помощью биографического метода позволяет высветить неизвестные стороны их жизни, показать переплетение судеб, проследить круг связей, понять мотивы поведения и отношение к ним русской колонии в Маньчжурии. Стоит заметить, что антиинтеллигентские настроения были характерны и для Советской России [37, с. 13–14], поэтому на примере судеб «омичей» в эмиграции можно рассмотреть особенности и умонастроения российского социума, сложившийся культурный тип эпохи, основные идейно-политические тенденции межвоенного периода. Одним из направлений изучения русской интеллигенции в Маньчжурии в 1920-х–1930-х гг. может стать анализ ее научных связей с Западной Европой и США, а также исследование практик воспроизводства профессиональных кадров в условиях эмиграции. Кроме того, «омская группа» оставила большое публицистическое, литературное и научное наследие, которое нуждается в осмыслении.

Библиографический список

1. Петин Д. И. Политика, деньги и... любовь // Бюджетный учет. 2020. № 3. С. 72–77.
2. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / сост., предисл. и коммент.

- Д. Г. Вульфа, Н. С. Ларькова, С. М. Ляндерса. Рязань, 2006. 619 с.
3. История «белой» Сибири в лицах. Биографический справочник / Сост. С. П. Звягин. Санкт-Петербург: Нестор, 1996. 67 с.
4. С Колчаком — против Колчака: краткий биографический словарь, краткий указатель учреждений и организаций, краткий указатель литературы по истории Гражданской войны в Сибири / Сост. и науч. ред. А. В. Квакин. Москва: Аграф, 2007. 448 с.
5. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.). Сборник документов. В 2 т. / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. 748 с.
6. Кротова М. В. Окружение Н. В. Устрялова в Харбине // Клио. 2014. № 9. С. 128–132.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 9. Д. 3908.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 478. Оп. 3. Д. 916.
9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 6384.
10. Русская эмиграция в Маньчжурии с 1920 по 1956 гг. по воспоминаниям И. С. Ильина // Русская Атлантида (Челябинск). 2017. № 66. С. 48–63.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1.
12. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3725.
13. ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 1. Д. 8.
14. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5549.
15. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1205.
16. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3518.
17. ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 1. Д. 10.
18. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2871. Оп. 3. Д. 534.
19. ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 4785.
20. ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 11175.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 84.
22. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 64. Д. 1733.
23. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 666.
24. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 6384.
25. ГАРФ. Ф. Р–5873. Оп. 1. Д. 28.
26. Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Collections of M. P. Golovachev. Box #1.
27. ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 2. Д. 8.
28. Ильин И. С. История российской эмиграции в Маньчжурии [Рукопись] // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. В 10 т. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. / сост. В. А. Авдеев [и др.]. Москва, 2015. С. 797–842.
29. Русский монархист. Веселый юбилей. Харбин. [1936]. 2 с.
30. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10.
31. ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 1. Д. 13.
32. ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 1. Д. 12.
33. ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 2. Д. 13.
34. Шияев Е. П. Моя служба на КЧЖД // Россияне в Азии (Торонто). 2000. № 7. С. 199–258.
35. Письма И. Г. Баранова П. Е. Скачкову. 1961–1964 // Записки Гродековского музея. Хабаровск: КГБНУК «ХКМ им. Н. И. Гродекова», 2018. Вып. 36. С. 125–188.
36. Арутюнова-Манусевич Б. А., Мынбаева А. К. Недавно прошедшее. Москва: Русский путь, 2014. 312 с.
37. Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1923–1925 гг. / Отв. Ред. В. Л. Соскин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 222 с.

КРОТОВА Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 3221-2527

ORCID: 0000-0001-7948-0251

Адрес для переписки: mary_krot@mail.ru

Для цитирования

Кротова М. В. «Омская группа» в эмиграции в Маньчжурии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 26–33. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-26-33.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022 г.

© М. В. Кротова

«OMSK GROUP» IN EXILE IN MANCHURIA

Based on unpublished sources and emigrant memoirs, the work analyzes the issue of social adaptation to the conditions of emigration in Manchuria by representatives of the «Omsk group», which consisted of former members of the anti-Bolshevik Siberian governments during the Civil War. Based on the theory of social adaptation and the anthropological approach, the article focuses on such aspects of the biography of this category of figures as behavioral strategies, service on the Chinese Eastern Railway, and the choice of citizenship. The study of the destiny of the “Omichi” in Harbin is necessary to present the activities of Russian public and political figures after the Civil War, to understand the problems of emigration in Manchuria and the peculiarities of the existence of the liberal intelligentsia.

Keywords: social adaptation, Civil War, White Movement, Russian government of A. V. Kolchak, Omsk, Manchuria, emigration, Harbin, CER.

References

1. Petin D. I. Politika, den'gi i... lyubov' [Politics, Money and ... Love] // Byudzhethnyy uchet. *Budget Accounting*. 2020. No. 3. P. 72–77. (In Russ.).
2. Vologodskii P. V. Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925) [In power and in exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan, 2006. 619 p. (In Russ.).
3. Istoriya «beloi» Sibiri v litsah. Biograficheskii spravochnik [The history of «white» Siberia in faces. Biographical reference book]. St. Petersburg, 1996. 67 p. (In Russ.).
4. S Kolchakom — protiv Kolchaka: kratkii biograficheskii slovar', kratkii ukazatel' uchrezhdenii i organizatsii, kratkii ukazatel' literatury po istorii Grazhdanskoi voyny v Sibiri [With Kolchak — against Kolchak: a brief biographical dictionary, a brief index of institutions and organizations, a brief index of literature on the history of the Civil War in Siberia]. Moscow, 2007. 448 p. (In Russ.).
5. Sovet ministrov Rossiiskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedanii (18 noyabrya 1918–3 yanvarya 1920 g.). Sbornik dokumentov. V 2 t. [Council of Ministers of the Russian government: meeting logs (November 18, 1918–January 3, 1920). Collection of documents. In 2 vols.]. Novosibirsk, 2016. Vol. 1. 748 p. (In Russ.).
6. Krotova M. V. Okruzhenie N. V. Ustryalova v Harbine [N. V. Ustryalov's entourage in Harbin] // *Klio. Klio*. 2014. No. 9. P. 128–132. (In Russ.).
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 3908/9/323. (In Russ.).
8. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. File: 916/3/478. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK) [State Archive of Khabarovsk Region (SAKhR)]. File: 6384/3/830. (In Russ.).
10. Rossiiskaya emigratsiya v Man'chzhurii s 1920 po 1956 gg. po vospominaniyam I. S. Il'ina [Russian emigration in Manchuria from 1920 to 1956 according to the memoirs of I. S. Ilyin] // *Russkaya Atlantida. Russkaya Atlantida*. 2017. No. 66. P. 48–63. (In Russ.).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: 1/16/10143. (In Russ.).
12. RGIA [RSHA]. File: 3725/9/323. (In Russ.).
13. GARF [SARF]. File: 8/1/R-6599. (In Russ.).
14. RGIA [RSHA]. File: 5549/9/323. (In Russ.).
15. RGIA [RSHA]. File: 1205/9/323. (In Russ.).
16. RGIA [RSHA]. File: 3518/9/323. (In Russ.).
17. GARF [RSHA]. File: 10/1/R-6599. (In Russ.).
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. File: 534/3/2871. (In Russ.).
19. GAKhK [SAKhR]. File: 4785/3/830. (In Russ.).
20. GAKhK [SAKhR]. File: 11175/3/830. (In Russ.).
21. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. File: 84/120/17. (In Russ.).
22. GARF [RSHA]. File: 1733/64/R-3316. (In Russ.).
23. RGIA [RSHA]. File: 666/9/323. (In Russ.).
24. GAKhK [SAKhR]. File: 6384/3/830. (In Russ.).
25. GARF [RSHA]. File: 28/1/R-5873. (In Russ.).
26. Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Collections of M. P. Golovachev. Box # 1. (In Engl.).
27. GARF [RSHA]. File: 8/2/R-6599. (In Russ.).
28. Il'in I. S. Istoriya Rossiiskoi emigratsii v Man'chzhurii [Rukopis'] [The History of Russian Emigration in Manchuria [Manuscript] // *Russkaya voennaya emigratsiya 20-h–40-h godov XX veka. Dokumenty i materialy. V 10 t. T. 7. 1920–1928 gg.* [Russian military emigration 20–40-s of XX century. Documents and materials. In 10 vols. Vol. 7. 1920–1928]. Moscow, 2015. P. 797–842. (In Russ.).
29. Russkii monarhist. Veselyi yubilei [Happy anniversary]. Harbin. [1936]. 2 p. (In Russ.).
30. RGALI [RSALA]. File: 10/5/1337. (In Russ.).
31. GARF [RSHA]. File: 13/1/R-6599. (In Russ.).
32. GARF [RSHA]. File: 12/1/R-6599. (In Russ.).
33. GARF [RSHA]. File: 13/2/R-6599. (In Russ.).
34. Shilyaev E. P. Moya sluzhba na KChZhD [My service on CChR] // *Rossiyanе v Asii. Russians in Asia*. 2000. No. 7. P. 199–258. (In Russ.).
35. Pis'ma I. G. Baranova P. E. Skachkovu, 1961–1964 [Letters of I. G. Baranov P. E. Skachkov. 1961–1964] // *Zapiski*

Grodekovskogo muzeya [Notes of the Grodekovsky Museum]. Khabarovsk, 2018. Vol. 36. P. 125–188. (In Russ.).

36. Arutyunova-Manusevich B. A., Mynbaeva A. K. Nedavno proshedshee [Recently passed]. Moscow, 2014. 312 p. (In Russ.).

37. Sud'by russkoi intelligentsii. Materialy diskussii 1923–1925 gg. [The fate of the Russian intelligentsia. Materials of the discussions of 1923–1925]. Novosibirsk, 1991. 222 p. (In Russ.).

KROTOVA Mariya Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of International Relations, Medialogy, Political Science and History Department, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg.

SPIN-code: 3221-2527

ORCID: 0000-0001-7948-0251

Correspondence address: mary_krot@mail.ru

For citations

Krotova M. V. «Omsk group» in exile in Manchuria // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 26–33. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-26-33.

Received February 08, 2022.

© M. V. Krotova